

494

В. К. Случевскій.

БИБЛИОТЕКА

Археологическаго Института

О СТОЛКНОВЕНІИ

РУССКИХЪ и ФИНЛЯНДСКИХЪ

УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Изъ „Журнала Министерства Юстиціи“ 1908 г. № 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Государственная Типографія.

1913.

О столкновении русских и финляндских уголовных законовъ.

(Журналъ Министерства Юстиціи, 1908 г., Май).

В. К. Случевского.

Въ ряду постановленій нашего новаго Уголовнаго Уложенія, не встрѣчавшихся въ Уложеніи о Наказаніяхъ, имѣется п. 3 ст. 5 Угол. Улож., гласящій: «Дѣйствіе сего Уложенія не распространяется . . . . . 3) на преступныя дѣянія, учиненныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, за исключеніемъ случаевъ, особо въ законѣ указанныхъ». По дѣлу о Выборгскомъ воззваніи, принадлежащемъ теперь исторіи, возникъ вопросъ о значеніи этого постановленія, и хотя онъ не получилъ, при производствѣ дѣла, опредѣленнаго разрѣшенія, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно оказалъ рѣшительное вліяніе на его направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ вопросовъ уголовно-матеріальнаго и уголовно-процессуальнаго права, которые были непосредственно связаны съ толкованіемъ означенной статьи закона. Изъ поданныхъ на состоявшійся приговоръ судебной палаты по этому дѣлу кассационныхъ жалобъ защиты, появившихся въ печати, усматривается, что главный дефектъ въ производствѣ этого дѣла защита видѣла въ томъ обстоятельстве, что фактическія данныя дѣла давали основаніе для предъявленія обвиненія противъ большинства подсудимыхъ лишь за «составленіе» преступнаго сочиненія, предусмотрѣнное ст. 132 Угол. Улож., а между тѣмъ, въ виду ненаказуемости этого дѣянія по финляндскому уложенію (гл. XVI § 8), обвиненіе было предъявлено за «распространеніе» означеннаго сочиненія, предусмотрѣнное ст. 129 Угол. Улож.

Оставляя совершенно въ сторонѣ возбужденные по указанному дѣлу кассационными жалобами вопросы, вызвавшіе у насъ цѣлую литературу ¹⁾, мы ограничимся обсужденіемъ лишь вопроса о томъ, насколько правильно толкованіе п. 3 ст. 5 Угол. Улож., заключающееся въ утвержденіи, что въ силу этого закона наказуемое по Уголовному Уложенію и ненаказуемое по финляндскому уголовному уложенію дѣяніе, совершенное въ предѣлахъ Финляндіи, не можетъ абсолютно служить предметомъ преслѣдованія и уголовной кары предъ имперскими уголовными судами. Вопросъ этотъ не возбудилъ въ нашей литературѣ, насколько намъ извѣстно, никакихъ сомнѣній, и утвердительное разрѣшеніе его признается единственно возможнымъ, при чемъ однако не приводится никакихъ основаній для такого его разрѣшенія. Съ такимъ толкованіемъ п. 3 ст. 5 Угол. Улож. мы согласиться не можемъ, и настоящая статья имѣетъ цѣлью доказать вѣрность этого нашего утвержденія. Неизвѣстно, что сулитъ намъ завтрашній день. Ненормальныя отношенія, обнаруживающіяся въ общественномъ настроеніи обѣихъ частей государства, въ литературныхъ направленіяхъ и въ области внутренней политики, возбуждаютъ серьезныя опасенія за ближайшее будущее, рассчитывать же на то, что новые уголовные кодексы—финляндское уголовное уложеніе ²/₁₄ апрѣля 1894 г. и наше уголовное уложеніе 22 марта 1903 г.—въ состояніи будутъ при примѣненіи своемъ не возбуждать серьезныхъ контроверзъ, едва-ли основательно. Въ подтвержденіе этихъ опасеній можно привести не мало доводовъ, заслуживающихъ вниманія.

Уже самый вышній характеръ этихъ кодексовъ и редакціонная форма, въ которой вылились ихъ постановленія, настолько различествуютъ между собою, что могутъ сами по себѣ, даже независимо отъ сущности заключающейся въ нихъ диспозиціи, служить источникомъ серьезныхъ недоразумѣній.

Постановленія нашего уголовного уложенія выражены большею частью въ формѣ обобщенныхъ положеній, избѣгающихъ конкретной характеристики законныхъ признаковъ преступности

---

¹⁾ Таковы помѣщенные въ «Правѣ» статьи за 1906—1908 гг.: проф. Жижиленко, Мокринскаго, Набокова, П. И. Люблинскаго и др.

и стремящихся дать примѣнителямъ его въ руководство общія начала и отвлеченные отъ реальныхъ проявленій преступности облики. Финляндское же уголовное уложеніе, наоборотъ, избѣгаетъ теоретическихъ построеній, не любитъ общихъ формулъ, выражается языкомъ, близко подходящимъ къ разговорному и чуждающимся техническихъ, условныхъ словъ и выраженій. Въ этомъ уже кроется одно изъ основаній къ опасенію, что при сопоставленіи сходственныхъ, относящихся къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, положеній въ этихъ двухъ кодексахъ, при примѣненіи ихъ, будутъ обнаруживаться несогласія и будутъ возникать разнообразныя сомнѣнія и недоразумѣнія, не легко разрѣшаемыя.

Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что эти два кодекса имѣютъ вполне обособленное и какъ-бы независимое другъ отъ друга существованіе. Каждый изъ нихъ является къ тому же продуктомъ работы законодательной власти, осуществляющейся различными путями и сосредоточивающейся на неодинаковомъ матеріалѣ. Хотя оба они утверждены Высочайшею властью, но въ предшествовавшихъ этому утверженію моментахъ ихъ законодательной разработки они создавались различными законодательными факторами.

Финляндское уголовное уложеніе—продуктъ мѣстнаго законодательнаго творчества, въ которое вложились Финляндскіе Сенатъ и Сеймъ, имѣвше въ виду главнымъ образомъ благо и интересы Финляндіи и обслуживавшіе общегосударственные интересы Россіи подъ угломъ зрѣнія мѣстной жизни ¹⁾. Наше новое Уголовное Уложеніе создано при прежнемъ законодательномъ порядкѣ чрезъ Государственный Совѣтъ, въ настоящее же время никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора (ст. 86 Зак. Осн.). Какъ ни велико значеніе для обоихъ кодексовъ Высочайшей санкціи, но невозможно умалять также и дѣйствіе предшествовавшихъ ей законодательныхъ факторовъ, и если мы видимъ, что эти факторы неодинаковы, что существуютъ значительныя различія въ свой-

¹⁾ «Сеймовый уставъ В. К. Финляндскаго», изданіе Библиотеки окраинъ Россіи, Н. Д. Сергѣевского.

ствахъ той задачи, надъ которою они трудятся, а также матеріаловъ, которыми они пользуются, то отсюда можно, повидимому, съ достаточнымъ основаніемъ заключить, что продукты ихъ творчества не будутъ вполнѣ тождественны. Возможно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что финляндскій законодатель при созданіи своихъ карательныхъ постановленій въ такой же мѣрѣ и съ такою же заботливостью охранилъ ими общегосударственные блага и интересы, съ какими онъ охраняетъ блага и интересы своего края? Исторія созданія дѣйствующаго финляндскаго уголовного уложенія доказываетъ съ несомнѣнностью, что есть мѣсто для такихъ сомнѣній. Достаточно въ этомъ отношеніи вспомнить, что оно сначала получило Высочайшее утвержденіе 19 декабря 1889 г., но затѣмъ было пріостановлено введеніе его въ дѣйствіе манифестомъ 1 декабря 1890 г., который вмѣстѣ съ тѣмъ возложилъ на земскіе чины обязанность вновь разсмотрѣть это уложеніе. Этотъ совершенно исключительный въ исторіи законодательства фактъ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что составители уложенія приняли въ качествѣ отправной точки зрѣнія для себя несоответствующее законодательству нашему возрѣніе на Финляндію, какъ на самостоятельное государство, а на Россію, по отношенію къ Финляндіи, какъ на иностранную державу. Обильный и интересный по этому предмету матеріалъ опубликованъ Н. С. Таганцевымъ, которому безспорно принадлежитъ историческая заслуга обнаруженія опасности, создававшейся примѣненіемъ финляндскаго уголовного уложенія 1889 г. По исполненіи сеймомъ возложеннаго на него Высочайшею властью порученія, измѣненное уложеніе получило вторичное Высочайшее утвержденіе и, согласно манифесту ²/₁₄ апрѣля 1894 г., признается съ означеннаго числа дѣйствующимъ. Произведенная такимъ образомъ переработка этого уложенія въ значительной степени отстранила ту односторонность и тенденціозность, которая систематически проводилась въ его постановленіяхъ, но несмотря на это было бы слишкомъ смѣло утверждать, что въ настоящее время никакихъ слѣдовъ прежнихъ дефектовъ въ этомъ уложеніи не сохранилось и что благо и интересы общегосударственные въ немъ нынѣ въ достаточной мѣрѣ охранены. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи весьма дѣльное заявленіе принимавшаго самое близкое и непосредственное участіе въ этомъ пересмотрѣ Н. С. Таганцева,

утверждающаго, что этотъ пересмотръ имѣлъ характеръ «штопанья, хотя и новаго, но оказавшагося дырявымъ платья, и притомъ штопанья наиболѣе бьющихъ въ глаза прорѣхъ» ¹⁾.

Но и помимо односторонности и тенденціозности конфликты двухъ уголовныхъ кодексовъ при ихъ примѣненіи неизбежны уже въ силу самаго факта существованія двухъ кодексовъ, предназначенныхъ къ дѣйствию въ различныхъ частяхъ государственной территоріи. Путемъ сопоставленія этихъ кодексовъ можно было бы привести не мало примѣровъ ихъ между собой несогласія. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на разность конструкцій въ этихъ кодексахъ, относящихся до преступленій противъ вѣры. Въ моментъ изданія финляндскаго уголовного уложенія, посвящающаго преступленіямъ противъ вѣры всего шесть статей (гл. X §§ 1—6), наше Уложеніе о Наказаніяхъ вмѣщало въ себѣ 64 карательныхъ постановленій, относящихся до этихъ преступныхъ дѣяній, новое же уголовное уложеніе посвящаетъ имъ 25 статей (ст. 73—98). Сама разность численности статей объ этихъ преступленіяхъ по финляндекимъ и имперскимъ уголовнымъ законамъ служитъ внѣшнимъ показателемъ того, какое коренное различіе въ постановкѣ этихъ преступныхъ дѣяній предъ уголовнымъ закономъ встрѣчаемъ мы въ означенныхъ законодательствахъ. Обстоятельство это представляется вполне естественнымъ и неизбежнымъ, если принять во вниманіе то разнообразіе формъ религіознаго культа, которое обнаруживается въ мѣстностяхъ, находящихся подъ дѣйствіемъ указанныхъ уголовныхъ кодексовъ. Существованіе господствующей православной церкви въ Имперіи и многочисленныхъ сектъ, обнаруживающихъ свою дѣятельность среди разноплеменнаго населенія у насъ, рѣзко обособляется отъ того строя явленій въ этой области, который встрѣчаемъ мы въ Финляндіи. Въ частности, въ финляндскомъ уголовномъ уложеніи, въ указанномъ отдѣлѣ, мы не встрѣчаемъ, напр., карательныхъ постановленій, предусматривающихъ изувѣрство скопческой секты. Связь ученія

---

¹⁾ «Юридическая лѣтопись», 1891 г., ч. I, стр. 130. Тамъ же, 1890 г., ч. II, стр. 39—законоподательная хроника объ уголовномъ уложеніи В. К. Финляндскаго. Тамъ же 1890 г. ч. I стр. 317, статья Коркунова «В. К. Финляндское», изданная въ 1910 г. отдѣльною брошюрою.

этой секты съ исторіей нашего религіознаго и культурнаго развитія вынудила законодательство наше къ назначенію строгихъ карательныхъ мѣръ въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Не то видимъ мы въ этомъ отношеніи въ Финляндіи. Проявленіе среди населенія ея этого изувѣрства представляется явленіемъ настолько исключительнымъ и не вытекающимъ изъ мѣстныхъ условій жизни, что созданіе карательныхъ постановленій для борьбы съ этой сектой оказалось излишнимъ въ финляндскомъ уголовномъ уложеніи, такъ же, какъ и въ западно-европейскихъ кодексахъ. Но, разъ такое различное отношеніе указанной спеціальной преступности обнаруживается со стороны нашего и финляндскаго уголовныхъ кодексовъ, то признавать, въ виду п. 3 ст. 5 Угол. Улож., неизбѣжность осужденія на бездѣйствіе постановленій нашего кодекса, независимо отъ свойствъ субъекта, въ случаѣ учиненія этихъ преступленій въ Финляндіи, только потому, что финляндскій кодексъ незнакомъ съ такою формою преступленій противъ вѣры, представлялось бы невозможнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли допустить, чтобы, при указанныхъ условіяхъ, охраненіе религіозныхъ интересовъ въ Имперіи не могло быть осуществляемо въ отношеніи подданныхъ нефинляндцевъ въ виду отказа финляндскаго уголовного закона отнести ихъ къ области дѣяній, заслуживающихъ уголовной кары? Вѣдь, если допустить это, то придется признать возможность открытія въ Финляндіи учрежденій, при помощи научныхъ способовъ и средствъ совершающихъ тѣ членовредительства, которыя возводятся нашимъ закономъ, при указанныхъ закономъ условіяхъ, на степень тяжкихъ уголовныхъ преступленій противъ вѣры.

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что несогласіе, обнаружившееся въ постановленіяхъ нашего и финляндскаго уголовныхъ уложеній, представляется явленіемъ естественнымъ и неизбѣжнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при толкованіи п. 3 ст. 5 Угол. Улож., опровергаемомъ нами, угрожающимъ серьезными осложненіями ¹⁾.

---

¹⁾ Указываемое несоотвѣтствіе интересующихъ насъ двухъ уголовныхъ кодексовъ, въ отношеніи устанавливаемого ими объема преступности, можетъ выразиться не только въ указанной формѣ, т. е. въ формѣ признанія преступности нѣкоторыхъ дѣйствій по нашему уголовному уложенію и непризнанія преступности

Не слѣдуетъ упускать также изъ вида, что уголовный законъ по самой юридической природѣ своей не допускаетъ распространительнаго толкованія и что примѣнять его постановленія можно только тогда, когда въ дѣяніи, изслѣдуемомъ судомъ, налицо всѣ законные признаки преступленія. Никакое видоизмѣненіе или игнорированіе этихъ признаковъ со стороны уголовного суда не можетъ быть допускаемо.

Нельзя, въ виду сказаннаго и опираясь на п. 3 ст. 5 Угол. Улож., устанавливать въ качествѣ безусловнаго положенія, что отказъ отъ примѣненія постановленій нашего Уголовнаго Уложенія къ дѣяніямъ, учиненнымъ въ Финляндіи, независимо отъ свойства этихъ дѣяній и личности виновниковъ, представляется неизбежнымъ и вытекающимъ изъ закона. Необходимо провѣрить правильность такого пониманія означенной статьи и выяснить, не кроется ли въ такомъ ея толкованіи серьезнаго недоразумѣнія.

тѣхъ же дѣйствій по финляндскому уголовному уложенію. Несоотвѣтствіе это можетъ выразиться также и въ обратной формѣ, а именно въ томъ смыслѣ, что дѣянія, признаваемые преступными по финляндскому уголовному уложенію, окажутся непредусмотрѣнными нашимъ Уголовнымъ Уложеніемъ. Финляндское уголовное уложеніе (гл. 1 § 1), какъ уложеніе, обслуживающее главнымъ образомъ мѣстные интересы Финляндіи, знаетъ не мало карательныхъ статей, отмѣченныхъ признаками специфическими въ отношеніи субъекта виновности, а также объекта преступнаго посягательства, которые не имѣютъ соотвѣтствующаго наименованія въ нашемъ Уголовномъ Уложеніи (таковы, напримѣръ, понятія, связанныя съ словами: «финляндскій гражданинъ», «земскіе чины края», «сеймовой депутатъ», «право засѣданія въ рыцарскомъ домѣ» и др.). Хотя финляндское уголовное уложеніе и не имѣетъ статьи, соотвѣтствующей п. 3 ст. 5 нашего Уголовнаго Уложенія, но не подлежитъ сомнѣнію, что и постановленія финляндскаго уголовного уложенія не могутъ найти примѣненія къ дѣяніямъ, учиненнымъ въ Имперіи, т. е. за предѣлами Финляндіи. Трудно сказать, какъ отнеслись бы въ Финляндіи къ случаю паломничества *in fraudem legis* финляндца въ Россію для совершенія преступнаго посягательства на благо и интересы Финляндіи, охраняемая финляндскимъ уголовнымъ уложеніемъ, но не караемая по нашему Уголовному Уложенію. Но, если бы и признать, что тамъ отнеслись бы вполне незлобиво и дружелюбно къ учинившимъ означенное посягательство гражданамъ, по возвращеніи ихъ въ Финляндію, то все таки нельзя будетъ не признать такого рода явленій вполне несоотвѣтствующими интересамъ уголовного правосудія, которое, какъ одно изъ средствъ соціальной охраны, если бываетъ вынуждено дѣйствовать, то должно прибѣгать къ настоящему, а не къ картонному мечу.

Останавливаясь, въ виду выясненія истиннаго смысла п. 3 ст. 5 Угол. Улож., прежде всего на буквальномъ толкованіи этого закона, приходится признать, что буква закона вполне подтверждаетъ оспариваемое нами толкованіе его. Законъ опредѣленно говоритъ, что дѣйствіе нашего Уложенія «не распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, за исключеніемъ случаевъ, особо въ законѣ указанныхъ». Исключенія эти дѣйствительно поименовываются въ законѣ, хотя и не въ Уголовномъ Уложеніи ¹⁾. При такой ясно и опредѣленно выраженной въ словахъ закона волѣ законодателя спрашивается, возможенъ ли споръ и умѣстны ли какія либо сомнѣнія. Къ сожалѣнію, юристамъ-практикамъ хорошо извѣстно, насколько соблазнительное, по своей легкости и простотѣ, буквальное толкованіе закона оказывается часто несостоятельнымъ пріемомъ для обнаруженія выраженной въ постановленіи закона истинной мысли законодателя.

Мысль законодателя—не болѣе какъ оболочка, которая не въ состояніи быть выразителемъ вмѣщающагося въ ней содержанія. Совершенныхъ законовъ, въ которыхъ была бы полная гармонія между формою и содержаніемъ, не существуетъ, и Биндингъ не безъ основанія говоритъ, что существованіе такого закона имѣло бы значеніе чудовища, не способнаго къ жизни. Ни одна статья закона не живетъ изолированной жизнью, внѣ всякой связи съ другими законами, нерѣдко принадлежащими къ различнымъ отдѣламъ законодательства. Отдѣльная статья закона представляется сложнымъ тѣломъ, вмѣщающимъ въ себѣ различные элементы и наслоенія разныхъ порядковъ. Только вскрывъ взаимную связь законовъ, можно выяснитъ ихъ истинный смыслъ, и, если предполагаемое, на буквѣ закона основывающееся толкованіе закона приводитъ къ юридическимъ нелѣпостямъ, то можно сказать съ несомнѣнностью, что предлагаемое толкованіе неприемлемо и что истолкователь стоитъ на ложномъ пути. Буквальное толкованіе п. 3 ст. 5 Угол. Улож. обнаруживаетъ, полагаемъ мы, такіе вышніе признаки своей несостоятельности, такъ какъ приводитъ, какъ мы постараемся то доказать, къ отрицанію начала властвованія уголовного закона въ предѣлахъ государственной

¹⁾ См. «Уголовное Уложеніе», изд. Н. С. Таганцева, къ ст. 5 пп. 5—7.

территоріи и къ несоотвѣтственному отношенію общаго закона къ закону мѣстному.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію доводовъ въ пользу такого утвержденія, необходимо остановиться на обзорѣ исторіи происхожденія п. 3 ст. 5 Угол. Улож. Въ этомъ отношеніи приходится прежде всего отмѣтить, что постановленіе это не встрѣчалось въ Уложеніи о Наказаніяхъ и впервые получило законодательную санкцію въ Уголовномъ Уложеніи 22 марта 1903 г. Замѣненные этою статьею ст. 168, 169 и 171 Улож. Наказ. не заключали въ себѣ столь категорическаго запрета распространять постановленія нашего уголовного закона на преступныя дѣянія, учиненныя въ Финляндіи. Несмотря на это, ошибочно было бы отсюда заключить, что указанная статья закона представляется узаконеніемъ вполне новымъ и незнакомымъ законодательству, предшествовавшему изданію нашего новаго Уголовнаго Уложенія.

Въ дѣйствительности означенная статья ничего новаго не создала, а только выразила въ опредѣленной формѣ тотъ законный порядокъ вещей, который существовалъ въ отношеніи Финляндіи и при дѣйствіи Уложенія о Наказаніяхъ, въ силу признанной за Финляндією автономіи въ дѣлѣ внутренняго управленія и суда. Впервые вопросъ объ отношеніи уголовного законодательства Имперіи къ Финляндіи опредѣленъ былъ закономъ 25 марта 1826 г., положеннымъ въ основаніе ст. 758—776 Зак. Суд. по дѣл. о прест. и прост. (Свод. Зак. т. XVI ч. II). Въ виду повсемѣтнаго упраздненія дореформенныхъ судебныхъ установленій, эта часть Свода Законовъ не дѣйствуетъ, и при составленіи продолженія къ Своду Законовъ 1906 г. признано было излишнимъ составлять продолженіе къ ней. Такъ какъ послужившій источникомъ къ составленію ст. 758—776 означенной части Свода Законовъ, посвященной производству по преступленіямъ, чинимымъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ обывателями Имперіи, а въ Имперіи обывателями Великаго Княжества, законъ 25 марта 1826 г. не былъ отмѣненъ и, слѣдовательно, является дѣйствующимъ въ отношеніи дѣлъ означенной категоріи, то едва ли можно признать его потерявшимъ всякое жизненное значеніе. Казалось бы, надлежитъ признать, что указанныя выше ст. 758—776 Свод. Зак. т. XVI, ч. II могутъ быть признаны отмѣненными только настолько, насколько онѣ

противорѣчать позднѣйшимъ узаконеніямъ, въ частности судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. и дѣйствующимъ нынѣ уголовнымъ кодексамъ Финляндіи и Имперіи. Судебные уставы отмѣнили нѣкоторые частныя положенія означенныхъ процессуальныхъ законовъ, какъ противорѣчащія имъ ¹⁾, но несмотря на это основная, относящаяся до производства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ въ Финляндіи жителями Имперіи и въ Имперіи жителями Финляндіи, ст. 216 Уст. Угол. Суд., согласованная съ этими процессуальными правилами, осталась нетронутою.

Точно также не находятея въ противорѣчій со ст. 758—776 Свод. Зак. т. XVI ч. II дѣйствующія финляндское уголовное уложеніе, а также и наше Уголовное Уложеніе, такъ какъ въ нихъ проводится начало примѣненія карательныхъ постановленій финляндскаго уголовного уложенія къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Насколько ст. 758—776 ч. II т. XVI Свод. Зак. жизненны и не потеряли своего значенія, можно заключить изъ отношенія къ нимъ образованной при Министерствѣ Юстиціи подѣ председательствомъ Н. С. Таганцева, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29 ноября 1890 г., комиссіи изъ представителей Министерства Юстиціи, бывшаго кодификаціоннаго отдѣла, Финляндскаго Сената и Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго. Комиссія эта выработала проектъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ по преступнымъ дѣяніямъ, совершаемымъ въ Имперіи жителями Финляндіи и наоборотъ, которыя и вошли особымъ приложеніемъ къ ст. 59 проекта Уст. Угол. Суд., составленнаго судебною комиссіею подѣ председательствомъ Н. В. Муравьева. Мотивы къ означенному проекту правилъ, выработанному комиссіею, нашли мѣсто въ т. I объяснительной записки къ проекту новой редакціи Уст. Угол. Суд. комиссіи Н. В. Муравьева и свидѣтельствуютъ о томъ, что комиссія Н. С. Таганцева стояла на почвѣ ст. 758—776 ч. II т. XVI Свод. Зак., внеся въ нихъ частныя лишь измѣненія и въ значительной степени дополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми процессуальными постановленіями.

¹⁾ Таково, напр., постановленіе ст. 773 о томъ, чтобы постановленные приговоры «не вершить безъ разсмотрѣнія ихъ въ высшемъ судѣ того края, гдѣ судъ производится, хотя бы по существу дѣла они ревизіи не подлежали».

Такимъ образомъ источники, вліявшіе на образованіе п. 3 ст. 5 Угол. Улож., свидѣтельствуютъ, что въ сущности это не новая статья закона, вносящая измѣненія въ тотъ порядокъ вещей, который она застала въ моментъ ея появленія. Основанная на законѣ 25 марта 1826 г., она имѣетъ своимъ назначеніемъ опредѣлить отношенія законодателя къ тѣмъ случаямъ, когда совершенныя въ Финляндіи или Имперіи дѣянія признаются *преступными* уголовными законодательствами этихъ странъ, при чемъ опредѣляетъ что постановленія нашего уголовного уложенія не распространяются на дѣянія, учиненныя въ Финляндіи, очевидно, исходя изъ того соображенія, что въ этомъ краѣ дѣйствуетъ свой мѣстный уголовный законъ, который долженъ найти свое надлежащее примѣненіе. Точно такъ же и финляндское уголовное уложеніе въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ условія территориальнаго его примѣненія (ч. I §§ 1—6), хотя и не устанавливаетъ запрета для примѣненія его постановленій въ Имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, указывая, на какія мѣста распространяетъ оно свое дѣйствіе, не упоминаетъ Имперіи и слѣдовательно въ сущности такъ же, какъ и наше уголовное уложеніе, не признаетъ возможнымъ примѣненіе его постановленій въ находящейся за предѣлами Финляндіи российской территоріи. Соотвѣтственно этому финляндскіе уголовные суды ни въ какомъ случаѣ не примѣняютъ нашего уголовного уложенія, такъ же, какъ и имперскіе суды никогда не ставятъ въ необходимость примѣнять финляндское уголовное уложеніе. Такимъ разрѣшеніемъ вопроса о пространствѣ дѣйствія нашего уголовного уложенія не предрѣшается еще вопросъ о предѣлахъ карательной власти Имперіи, а также вопросъ о томъ, подлежатъ ли уголовной карѣ по нашему уложенію тѣ учиненныя въ Финляндіи дѣянія, которыя не признаются ея уголовнымъ законодательствомъ за *непреступныя* ¹⁾.

¹⁾ Выдвигая положеніе, по которому «приговоръ надъ преступникомъ составляется по законамъ того края, гдѣ судъ надъ нимъ производится» (ст. 770), вторая часть т. XVI Св. зак. признавала, что мѣсто учиненія преступнаго дѣянія представляется не единственнымъ основаніемъ къ опредѣленію мѣста сужденія дѣла. Такъ, въ качествѣ конкурирующаго съ мѣстомъ учиненія дѣянія начала мѣстной подсудности законы эти выдвигали опредѣляющимъ моментомъ также мѣсто, «гдѣ прежде начато уже слѣдствіе», а также, при совокупности преступленій, гдѣ «содѣяно имъ (преступникомъ) тяжкое преступленіе» (ст. 766—770).

Переходя теперь къ ближайшему выясненію вопроса объ отношеніи нашего уголовного уложенія къ случаямъ учиненія дѣяній въ Финляндіи, не признаваемыхъ преступными по финляндскому уголовному уложенію, приходится прежде всего признать, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ совершенно независимо отъ того, при какихъ условіяхъ и по какимъ юридическимъ основаніямъ произошло присоединеніе Финляндіи къ Россійской Имперіи. Разъ нынѣ дѣйствующія основанія къ разрѣшенію столкновеній между уголовными законами Финляндіи и Имперіи заложены впервые въ нашемъ законодательствѣ закономъ 25 марта 1826 г., то несомнѣнно, что предшествующіе этому закону моменты не могутъ служить средствомъ къ выясненію этихъ основаній. Поэтому спорный въ литературѣ вопросъ о томъ, что такое въ смыслѣ государственно-правовомъ Финляндія, не имѣетъ рѣшающаго значенія для нашей задачи. Не отрицая серьезнаго научнаго значенія этого вопроса, мы полагаемъ, что съ точки зрѣнія дѣйствующаго права, руководящаго дѣйствіями нашихъ уголовныхъ судовъ, онъ представляется яснымъ и безспорнымъ. «Великое Княжество Финляндское», — говоритъ ст. 2 нашихъ основныхъ законовъ, — «составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства». Эта точка зрѣнія на Финляндію, какъ на составную и нераздѣльную часть Россіи, постоянно высказывалась Монархами въ манифестахъ, сопровождавшихъ вступленіе Ихъ на царство; она же получила ясное и опредѣленное выраженіе въ частности въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 3 февраля 1899 года, при которомъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе основныя положенія объ изданіи законовъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ означенномъ манифестѣ провозглашается, что Княжество это, «войдя съ начала нынѣшняго столѣтія въ составъ Россійской Имперіи, пользуется по великодушному соизволенію блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ особыми въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны» ¹⁾. Тотъ же взглядъ

¹⁾ См. С. К. Михайлова — «Юридическое положеніе Финляндіи», 1901 г.

выраженъ былъ и Государственнымъ Совѣтомъ при разсмотрѣніи проекта уголовного уложенія. Изъ журнала особаго совѣщанія его видно (стр. 42—46), что совѣщаніе это отвергло предполагавшееся комиссіею установленіе двухъ терминовъ («подданный Россійской Имперіи и російскій подданный») для обозначенія русскихъ и финляндскихъ подданныхъ, на томъ основаніи, что термины эти не соответствовали бы дѣйствительному положенію Финляндіи, какъ составной части Россійскаго государства. Тотъ же взглядъ на Финляндію высказанъ былъ Государственнымъ Совѣтомъ и въ мотивахъ къ нынѣшней ст. 5 Угол. Улож. ¹⁾.

Если по нашему дѣйствующему праву Финляндія неотъемлемая часть русскаго государства, то и признанное нашимъ законодательствомъ автономное законодательство ея въ области уголовныхъ постановленій представляется не чѣмъ инымъ, какъ мѣстнымъ законодательствомъ, а поэтому и основанія къ разрѣшенію встрѣчающихся между Финляндіею и Имперіею столкновеній законовъ должны разрѣшаться соответственнo тому, какъ разрѣшаются столкновенія между мѣстнымъ и общимъ законодательствомъ страны. Для установки этихъ основаній мы находимъ указаніе точно такъ же въ нашихъ основныхъ законахъ, по силѣ которыхъ «законы, особенно изданные для какой-либо мѣстности или части населенія, новымъ общимъ закономъ не отмѣняются, если въ немъ именно такой отмѣны не постановлено» (ст. 88). «Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона. Посему, доколѣ новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу» (ст. 94). Въ виду этого и принимая во вниманіе, что, на основаніи ст. 1 нашего уголовного уложенія, «преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное во время его учиненія закономъ подѣ страхомъ наказанія», слѣдуетъ, казалось бы, заключить, что преступное дѣяніе, предусмотрѣнное нашимъ уложеніемъ, должно быть подводимо подѣ дѣйствіе его

---

¹⁾ Уклоняясь отъ обсужденія не на почвѣ дѣйствующаго права вопроса о томъ, что такое Финляндія, какъ вопроса, стоящаго за предѣлами настоящаго изслѣдованія, мы полагаемъ, что выдвигаемый въ пользу признанія Финляндіи самостоятельнымъ государствомъ, соединеннымъ съ Россіею лишь личною уніею, взглядъ, будто она не завоеванное государство, а добровольно, по договорному основанію соединившее свою судьбу съ Россіею государство, не выдерживаетъ

постановленій, если не создадутся обстоятельства, по закону нашему устраниющія наказуемость; къ числу же этихъ обстоятельствъ незапрещенность дѣянія закономъ мѣста совершенія его не отнесена. Согласно съ нашими основными законами законодательные мотивы къ ст. 5 Угол. Улож. даютъ въ руководство на случай возникшаго столкновенія между имперскими и финляндскими уголовными законами слѣдующее правило для ихъ разрѣшенія: законодательство Великаго Княжества Финляндскаго, будучи мѣстнымъ, не можетъ быть толкуемо распространительно, а потому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ возникнуть коллизія между законами Имперіи и Великаго Княжества, она должна быть разрѣшаема въ пользу имперскихъ законовъ, по общему правилу ограничительнаго толкованія законовъ особенныхъ ¹⁾.

Такимъ образомъ мы выяснили двѣ юридическія основы для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса: одна изъ нихъ отрицательнаго характера—Финляндія не иностранное государство, и граждане ея не иностранные подданные, а вторая положительнаго характера—финляндское уголовное уложеніе является мѣстнымъ законодательствомъ и при столкновеніи съ общими имперскими законами должно уступать имъ мѣсто.

Съ точки зрѣнія интересовъ территоріальнаго господства нашего уголовного уложенія можно только пожалѣть, что Финляндія не иностранное государство, а финляндцы не иностранцы, если только придерживаться оспариваемаго нами мнѣнія, что признаніе непреступности учиненнаго въ Финляндіи дѣянія, по фин-

---

критики. Современное, построенное на публично-правовыхъ основаціяхъ, государство далеко отошло отъ той частно-правовой конструкціи, на которой строилось средневѣковое государство. Преступное частно-правовое воззрѣніе на территорію государства, свободно допускавшій ея дѣленіе и уступки, по договорамъ, или по наслѣдству со стороны наслѣдственныхъ представителей верховной власти, осуществлявшей надъ нею свой *dominium* вещнаго права, замѣнился теперь понятіемъ *imperium*, какъ проявленія политической власти. См. Шалландъ. Международно-правовое отношеніе («Вѣстникъ Права», 1900 г., № 8).

¹⁾ «Уголовное Уложеніе», изд. Н. С. Таганцева, гл. 2 § II къ ст. 5. Признаніе финляндскаго законодательства мѣстнымъ законодательствомъ послужило для коммисіи, собиравшейся подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева, основаніемъ къ разрѣшенію возникшаго въ ея средѣ вопроса о примѣненіи къ чинамъ фин-

ляндскому уголовному уложению, исключаетъ всякую возможность примѣненія карательныхъ постановленій нашего уголовного уложенія не только къ финляндцамъ, но и къ не-финляндцамъ. Будь Финляндія иностраннымъ государствомъ, а обыватели ея иностранными подданными, то территоріальныя условія примѣненія постановленій нашего уголовного уложенія, въ силу 11, 9, 10 статей его, тотчасъ же содѣйствовали бы значительному расширенію его дѣйствія. Имперскіе уголовные суды приобрѣли бы законную возможность примѣнять къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ въ Финляндіи, постановленіе нашего уложенія, возможность какового примѣненія оспаривается разбираемымъ нами мнѣніемъ, обосновывающимся на буквальномъ толкованіи п. 3 ст. 5 того же уложенія. Ст. 11 Угол. Улож. отмѣчаетъ группу преступныхъ дѣяній противъ государства, постатейно означенныхъ въ той статьѣ, при чемъ, въ уклоненіе отъ основнаго, принятаго имъ положенія, признаетъ возможность уголовного ихъ преслѣдованія, хотя бы дѣянія эти и не были воспрещены по закону мѣста ихъ совершенія. Не ограничиваясь этой группой преступныхъ дѣяній, уголовное уложеніе караетъ учиненныя иностранцами внѣ предѣловъ Россіи дѣянія, во-первыхъ, составляющія тяжкое преступленіе или такое преступленіе, коимъ обвиняемый посягалъ на права російскихъ подданныхъ или на имущества или доходы російской казны, и, во-вторыхъ, дѣянія, наказуемость которыхъ предусмотрена заключеннымъ Россіею международнымъ договоромъ, если только, во-первыхъ, дѣянія тѣ воспрещены закономъ мѣста ихъ учиненія, во-вторыхъ, обвиняемый не былъ оправданъ или освобожденъ отъ наказанія по приговору иностраннаго суда, вошедшему въ законную силу, въ-третьихъ, если осужденный не отбылъ наказанія по приговору иностраннаго суда, и, въ-четвертыхъ, если учиненное пре-

---

скихъ войскъ, за учиненныя ими въ Имперіи преступныя дѣянія, уголовного уложенія для финскихъ войскъ 1886 г. Финляндскій Сенатъ настаивалъ на примѣненіи этихъ законовъ, но, обсудивъ этотъ вопросъ, коммисія пришла къ заключенію, что такое разрѣшеніе этого вопроса равносильно было бы, вопреки Основнымъ Законамъ, отмѣнѣ мѣстнымъ узаконеніемъ дѣйствія общаго закона Имперіи, а потому отклонила слѣдующее Финляндскимъ Сенатомъ предложеніе (Объяснит. зап. къ проекту новой редакціи устава уголовного судопроизводства коммисіи по судебному преобразованію Н. В. Муравьева, т. 1, стр. 242).

ступное дѣяніе, направленное противъ иностраннаго государства, не относится къ числу такихъ, по коимъ выдача не допускается, т. е. когда преступленіе не подходитъ подъ понятіе политическаго въ тѣсномъ смыслѣ слова. При соблюденіи этихъ условій примѣненіе уголовного уложенія допускается къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ иностранцами за границей въ указанномъ уложеніемъ объемѣ.

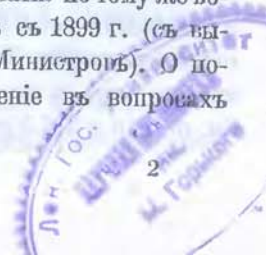
Вытекающее изъ изложеннаго заключеніе, что наше уголовное уложеніе поставлено въ гораздо менѣе благоприятныя условія территоріальнаго своего примѣненія въ отношеніи Финляндіи, нежели въ отношеніи иностранныхъ государствъ, само по себѣ достаточно для того, чтобы отказаться отъ буквальнаго толкованія п. 3 ст. 5 нашего уложенія, приводящаго къ юридической нелѣпости, а именно къ тому, что наше уложеніе обнаруживаетъ большую силу и большую экстенсивность энергіи въ отношеніи преступныхъ дѣяній, учиняемыхъ въ иностранныхъ государствахъ, нежели въ предѣлахъ нашей государственной территоріи, въ одной изъ частей ея. Какъ объяснить такую законодательную постановку, такое ослабленіе уголовной репрессіи въ части государства? На вопросъ этотъ можетъ послѣдовать, повидимому, отвѣтъ, что иностранные кодексы создаются безъ всякаго участія нашей Верховной власти, между тѣмъ какъ финляндскіе законодательные акты ею утверждаются къ дѣйствию. Она имѣетъ, слѣдовательно, полную возможность наблюдать за тѣмъ, чтобы утверждаемые ею акты въ надлежащей мѣрѣ охраняли публичные интересы Россіи, а поэтому недовѣрчивое отношеніе къ иностранному законодательству, въ дѣлѣ охраненія нашихъ интересовъ, представляется будто бы неумѣстнымъ въ отношеніи мѣтнаго законодательства нашего государства. Воззрѣніе, сводящее всю силу порядка законодательнаго разсмотрѣнія къ моменту утвержденія проекта закона и отрицающее значеніе предшествующихъ ему моментовъ разсмотрѣнія проекта законодательными камерами, представляется неправильнымъ и совершенно несоотвѣтствующимъ нашему законодательному строю. Независимо отъ этого, нельзя же серьезно предполагать, что въ моментъ утвержденія проекта закона онъ будетъ оцѣненъ не только со стороны его общаго политическаго значенія, но и во всѣхъ его деталяхъ. Предполагать—это значило бы довольствоваться фикціями и игнорировать дѣйствительность.

Тѣмъ болѣе неприемлемо воззрѣніе, предполагающее абсолютный запретъ примѣнять постановленія нашего уголовного уложенія къ дѣяніямъ, учиненнымъ въ Финляндіи, въ случаѣ незапрещенности ихъ законами мѣста совершенія дѣяній, если остановиться на изслѣдованіи этого взгляда съ точки зрѣнія отношеній нашего уголовного уложенія къ финляндскому уголовному уложенію, какъ къ мѣстному законодательству.

Какъ бы широко не толковать автономію, которою пользуется Финляндія, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она въ этомъ отношеніи не достигаетъ той политической самостоятельности, которою, напримѣръ, пользуются германскія отдѣльныя законодательства въ отношеніи Германской Имперіи. Въ международномъ правѣ она не въ состояніи найти основаній для установки своей политической независимости въ отношеніи Имперіи, и ни въ какія самостоятельныя международныя отношенія характера политическаго она съ иностранными государствами не входитъ ¹⁾. Не то мы видимъ въ отношеніяхъ германскихъ отдѣльныхъ государствъ къ Германской Имперіи. Государственное устройство Германіи ближе подходит къ союзу государствъ, нежели къ союзному государству, такъ какъ вошедшія въ составъ Германской Имперіи отдѣльныя государства обладаютъ не только внутреннею, но отчасти и международной автономіей. Несмотря на это, дѣйствующая германская конституція не рѣшилась поставить общегерманскіе интересы подъ охрану мѣстныхъ законодательствъ, а, отмежевавъ послѣднимъ обширную область мѣстныхъ интересовъ, лишила эти отдѣльныя законодательства возможности вторгаться въ область общегерманскихъ интересовъ. Подъ охрану имперскаго уголовного законодательства поставлены теперь интересы правосудія,

¹⁾ С. К. Михайловъ, *ib.*, въ особенности стр. 14—19, 42—61; Н. Д. Сергѣевскій. «Въ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ», 1902 г.; П. Шилловскій. «Акты, относящіяся къ политическому положенію Финляндіи», 1903 г.; указанная ниже книга Мехелина; многочисленные труды М. М. Бородинина по финляндскому вопросу; интересный «Обзоръ періодической печати» по тому же вопросу, издававшійся при финляндскомъ статъ-секретариатѣ съ 1899 г. (съ выпуска XIII этотъ обзоръ издается при Канцеляріи Совѣта Министровъ). О попыткахъ, дѣлавшихся въ Финляндіи, занять особое положеніе въ вопросахъ международного права см. «Право», 1901 г., стр. 844.

затрагиваемые преступностью, которая прежде составляла предмет заботы мѣстных законодательствъ. Въ случаѣ обнаруживающейся двойственности постановленій имперскаго и мѣстнаго закона или взаимныхъ между ними противорѣчій, по удостовѣренію Блончли, авторитетность имперскаго законодательства побуждаетъ преклоняться предъ нею мѣстные законы. Всякій новый имперскій законъ,—поляняетъ онъ,—расширяетъ свое господство и ограничиваетъ власть мѣстныхъ законодательствъ («so muss sich nun das Land dem Reiche unterwerfen») ¹⁾.

Кромѣ изложенныхъ доводовъ, выясненіе вопроса о томъ значеніи, которое имѣетъ незапрещенность дѣянія, учиненнаго въ Финляндіи, по мѣстному закону для примѣненія къ этому дѣянію карательныхъ постановленій нашего уголовного уложенія, обусловливается началами государственнаго права, опредѣляющими правовыя свойства суверенной государственной власти.

Къ числу непреложныхъ положеній государственнаго права принадлежитъ положеніе, что въ государствѣ существуетъ только одна верховная власть со свойствами суверенной, государственной власти. Принадлежитъ ли эта власть «королю въ парламентѣ», какъ въ Англіи, или совокуіности союзныхъ правительствъ, какъ въ Германіи, или народу, какъ въ демократическихъ республикахъ,—верховная, государственная власть всегда едина и по самой

---

¹⁾ Bluntchli, «Politik», стр. 402. Binding, «Grundriss», стр. 57, 3 изд. Последній рѣшительно высказывается противъ примѣненія къ мѣстному закону правила: *Lex specialis derogat legi generali*. Онъ отказывается въ мѣстномъ законѣ видѣть законъ, которому предоставлено право узурпировать содержаніе имперскаго закона, при чемъ замѣчаетъ, что иначе отъ мѣстнаго законодательства зависѣло бы, посредствомъ спеціализаціи своихъ стаетей, лишитъ имперскій законъ его силы. За зависимость мѣстнаго законодательства отъ имперскаго закона высказываются и комментаторы послѣдняго, какъ, напримѣръ, Оппенгофъ. Отношенія мѣстнаго уголовно-процессуальнаго законодательства къ имперскому представляются иными. Такъ, Глазеръ («Руководство по уголовному процессу», стр. 238 и послѣдующія), исходя изъ того соображенія, что уголовное судопроизводство относится къ уголовно-матеріальному праву, какъ средство къ цѣли, находитъ, что судъ всегда по природѣ своей является туземнымъ учрежденіемъ, и что подсудность, безъ которой немыслимъ самый судъ, останавливается на границѣ территоріи. Территоріальный принципъ прилагается къ уголовному судопроизводству съ гораздо меньшими ограниченіями, нежели къ уголовному праву. См. ст. 216 и 217 Уст. Угол. Суд.

природѣ своей не допускаетъ дѣлимости или дробимости ея. Правда, въ федераціяхъ (союзныхъ государствахъ) положеніе вещей представляется нѣсколько инымъ; тамъ отдѣльные члены союзаго государства, какъ, напр., въ Швейцаріи, сохраняютъ свой суверенитетъ, но это ученіе о дѣлимости суверенитета между отдѣльными государствами и федераціями находятъ нынѣ въ наукѣ государственнаго права рѣшительныхъ противниковъ въ лицѣ, на примѣръ, Еллинека и Лабанда—и замѣняется ученіемъ о несuverенныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ федеративнаго государства. Эта форма союзаго государства не имѣетъ никакого касательства къ Финляндіи и поэтому свободно можетъ быть оставлена безъ ближайшаго разсмотрѣнія. Важно еще отмѣтить, что властная природа суверенной, государственной власти, выражающаяся въ единствѣ и нераздѣльности ея, не исключаетъ необходимости правомѣрныхъ ея отправленій, въ которыхъ и выражаются существенные моменты жизни современнаго государства (Rechtstaat). Карательная власть есть существенная составная часть этой верховной, государственной власти, а потому и территоріальныя условія примѣненія карательнаго закона должны быть выводимы не изъ принципа личной принадлежности виновника къ данному государству, не изъ отношенія его къ той или иной части территоріи, а изъ требованій самосохраненія государства и тѣхъ началъ справедливости, въ путяхъ которыхъ проявляется служеніе этому принципу самосохраненія. Біологическій законъ жизни, въ силу котораго все существующее стремится къ охраненію своего существованія, проявляетъ свое дѣйствіе и въ жизни государства, обязывая его къ такой карательной организаціи, которая въ состояніи была бы служить этому принципу самосохраненія государства. Съ этой точки зрѣнія представляется совершенно недопустимымъ, чтобы суверенная, государственная власть въ постановленіяхъ уголовнаго кодекса назначала уголовныя кары за посягательства на охраняемые государствомъ блага и интересы и, рядомъ съ этимъ, создавала въ одной изъ частей своей государственной территоріи такой аппаратъ, дѣйствіями котораго уничтожалась бы возможность примѣненія созданной государствомъ карательной системы. Особенно немыслимымъ положеніе такого порядка вещей представляется въ настоящее время, когда въ жизни современныхъ государствъ

и въ ихъ международномъ общеніи все рѣшительнѣе осуществляется презумпція, что отдѣльныя европейскія государства представляются членами одного культурнаго цѣлаго, и что создавшіяся на національной почвѣ уголовныя законоположенія, несмотря на все частныя и существенныя между ними различія, должны служить идеѣ общности этого культурнаго цѣлаго, распространяя, въ интересахъ послѣдняго, дѣйствія своихъ карательныхъ постановленій за предѣлы государственной территоріи. При такомъ направленіи жизни современныхъ государствъ, отказъ отъ примѣненія уголовного кодекса Имперіи къ учиненному въ одной изъ мѣстности ея дѣянію, направленному противъ благъ и интересовъ, охраняемыхъ тѣмъ кодексомъ, только потому, что дѣяніе это признается не затрагивающимъ мѣстныхъ интересовъ части территоріи и поэтому ненаказуемымъ, — представляется явленіемъ совершенно аномальнымъ. Запрещенность дѣянія по законамъ мѣста совершенія его, какъ условіе наказуемости, имѣетъ серьезныя основанія для существованія, когда дѣяніе учинено въ иностранномъ государствѣ. Не говоря уже о томъ, что, учиняя это дѣяніе на чужой территоріи, виновникъ его могъ и не знать объ отношеніи къ этому дѣянію чужого ему уголовного закона, условіе это имѣетъ важное значеніе еще и потому, что только при наличности его можно разсчитывать на судебную помощь иностраннаго государства, въ частности на выдачу преступника. Но основанія, на которыхъ покоится требованіе запрещенности дѣянія по законамъ мѣста совершенія его, не существуетъ тогда, когда дѣяніе совершается въ предѣлахъ государственной территоріи. Здѣсь, въ разсматриваемыхъ нами случаяхъ, создается такое положеніе вещей, при которомъ существуютъ два уголовныхъ кодекса, изъ которыхъ одинъ признаетъ дѣяніе запрещеннымъ, а другой, обратно, незапрещеннымъ. Вопросъ о выдачѣ, какъ о субсидіарномъ институтѣ международного уголовного права, не можетъ здѣсь возникнуть, примѣненіе же другихъ способовъ судебной помощи стоитъ внѣ зависимости отъ произвола должностныхъ лицъ и учреждений и должно быть осуществляемо въ силу прямыхъ велѣній обязательнаго къ исполненію закона. Для того, чтобы уничтожить возможность проведенія аналогіи между случаями совершенія преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ имперскимъ кодек-

сомъ, въ иностранномъ государствѣ и въ предѣлахъ даннаго государства, въ мѣстности, пользующейся внутреннею автономіей, укажемъ еще, что государство не можетъ также прибѣгнуть къ тому способу дѣйствія, которое оно можетъ использовать въ отношеніи нежелательнаго для него иностранца, проживающаго въ предѣлахъ его территоріи, т. е. къ высылкѣ. Человѣкъ, проживающій въ Имперіи, совершившій незапрещенное финляндскимъ уголовнымъ уложеніемъ дѣяніе въ мѣстности дѣйствія послѣдняго, но наказуемое по нашему уголовному уложенію, не можетъ быть высланъ обратно въ Финляндію, такъ какъ онъ русскій подданный и Финляндія не иностранное государство и такъ какъ можетъ случиться, что пребываніе его въ Финляндіи, при учиненіи тамъ преступленія, было временнымъ, постоянное же мѣстожителство онъ имѣетъ въ Имперіи.

Велика свобода дѣйствій законодательной власти въ сферѣ ея творчества, и можно только преклониться предъ тою рѣшимостью, съ которою она, считаясь съ историческими завѣтами прошлаго, признала нужнымъ дать Финляндіи ея внутреннюю автономію. Не слѣдуетъ однако преувеличивать объемъ свободы дѣйствій законодателя. По замѣчанію Еллинека ¹⁾, въ правѣ культурныхъ народовъ существовать издавна, а теперь, безъ сомнѣнія, существуетъ въ гораздо большемъ объемѣ, нѣкоторый основной комплексъ правъ, по отношенію къ которымъ бессильна власть законодателя. Это тотъ осадокъ всей исторической эволюціи народа, который прочно отпечатлѣвается въ правовыхъ институтахъ, какъ необходимое условіе всего историческаго бытія народа. Основная положенія уголовного права, напримѣръ, въ значительной мѣрѣ постоянны, и возмездіе за болѣе тяжкія посягательства на важнѣйшія блага не зависитъ отъ усмотрѣнія государства. Законодатель не имѣетъ по этому реальной возможности признать убійство ненаказуемымъ; если бы онъ тѣмъ не менѣе сдѣлалъ такую попытку, то функція наказанія тотчасъ же стала бы осуществляться другими, не поддающимися его воздѣйствію, социальными силами. Считаюсь съ условіями дѣйствительности, законодательная власть устанавливаетъ объемъ преступности, признаки, гарантирующіе ее, условія

¹⁾ Еллинекъ—«Право современнаго государства», стр. 242.

признанія ея, а также примѣненія уголовной кары. Согласно съ завѣтами прошлаго, требованіями настоящаго, интересами будущаго и соотвѣтственно условіямъ не только времени, но и мѣста, законодательство устанавливаетъ границы объема преступности въ своемъ кодексеѣ, но, разъ оно опредѣлило таковыя, то тѣмъ самымъ связало и себя и своихъ подданныхъ созданнымъ имъ закономъ.

Въ уголовномъ кодексеѣ, содержащемъ въ себѣ запреты и повелѣнія, частныя лица находятъ указанія для опредѣленія своего поведенія, для выясненія того, какія дѣйствія являются правомѣрными и какія преступными; поэтому государственная власть должна считаться съ создаваемымъ имъ правомъ и не только въ силу суверенности своей, но и ради охраны личной свободы своихъ гражданъ, должна блюсти за исполненіемъ своихъ законовъ.

Съ этой точки зрѣнія, одновременное существованіе въ странѣ двухъ уголовныхъ кодексовъ и, какъ мы видѣли уже, неизбежно не совпадающихъ въ своихъ постановленіяхъ по опредѣленію объема преступности, представляется явленіемъ, угрожающимъ серьезными осложненіями. Несоотвѣтствіе кодексовъ по опредѣленію преступности имѣетъ различное значеніе въ зависимости отъ различія тѣхъ благъ и интересовъ, которые охраняются подъ угрозою примѣненія уголовной кары. Если эти блага и интересы непосредственно связаны съ бытовыми условіями мѣстности, то обнаружившееся несогласіе въ постановленіяхъ обоихъ кодексовъ не только не создаетъ никакой опасности для правосудія, но, наоборотъ, служитъ его интересамъ, такъ какъ является результатомъ охраны только тѣхъ благъ и интересовъ, которые въ дѣйствительности существуютъ въ данной мѣстности. Но положеніе вещей совершенно мѣняется, когда блага и интересы, составляющіе объектъ наказуемости, имѣютъ значеніе, выходящее за предѣлы мѣстной жизни, и относятся къ категоріи обще-государственныхъ. Возьмемъ, на примѣръ, для сопоставленія отдѣлы нашего и финляндскаго уголовныхъ уложеній, относящіяся къ государственной измѣнѣ. Мы тщетно искали бы въ финляндекомъ уложеніи впервые появившіяся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ ст. 114 и 115 Угол. Улож., говорящія объ измѣнѣ, совершаемой исполняющимъ договоръ или порученіе правительства о заготовленіи средствъ напа-

денія или защиты отъ непріятеля, или о поставкѣ предметовъ до-
вольствія для дѣйствующей арміи, посредствомъ заготовки или
сдачи негодныхъ предметовъ. Карая означенныя дѣянія исправитель-
тельнымъ домомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ срочною каторгою,
законодатель тѣмъ самымъ показываетъ, какое важное значеніе
придаетъ онъ этой преступности, а между тѣмъ оказывается, что
учиняющій эти дѣянія въ предѣлахъ Финляндіи, при наличности
отмѣченныхъ уложеніемъ законныхъ признаковъ этой преступно-
сти, не только не подвергается наказанію по финляндскому уголов-
ному уложенію, но виновникъ не будетъ отвѣчать и по ст. 114, 115
нашего уголовного уложенія потому, что договоръ или порученіе,
при исполненіи котораго осуществилась эта преступность, а также
исполнительныя по нимъ дѣйствія, учинены были въ Финляндіи.
Возможно ли примириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что законо-
датель, охраняя интересы арміи въ предѣлахъ Имперіи, отказы-
вается въ этомъ охраненіи путемъ примѣненія уголовной кары тѣмъ
частямъ той же арміи, которыя расположены въ Финляндіи? Если
бы преступныя дѣйствія по такимъ поставкамъ учинены были за
границею, то совершенно независимо отъ того, запрещено ли это
дѣяніе закономъ мѣста совершенія его, виновники преступления,
при наличности необходимыхъ для того процессуальныхъ условій,
на основаніи ст. 11 нашего уголовного уложенія, судились бы на-
шими уголовными судами и въ случаѣ признанія виновности под-
вергнуты были бы установленному наказанію. Едва-ли возможно
оправдать такое несоотвѣтствіе двухъ карательныхъ кодексовъ,
дѣйствующихъ въ предѣлахъ одного и того же государства, тѣмъ
соображеніемъ, что отсутствіе карательной статьи закона въ мѣстѣ
совершенія дѣянія давало виновнику «право на его совершеніе».
Вѣдь такое право пришлось бы признать и за тѣмъ, кто совершаетъ
это дѣяніе за предѣлами территоріи, въ случаѣ незапрещенности
его въ томъ мѣстѣ, но однако указанная нами ст. 11 Угол. Улож.
самымъ опредѣленнымъ образомъ не допускаетъ возможности при-
знанія такого права, да и вообще можно ли серьезно говорить о
правѣ на совершеніе дѣянія, въ предѣлахъ государства призна-
ваемого уголовнымъ кодексомъ страны дѣяніемъ преступнымъ.
Отмѣтимъ еще, что оправданіе взгляда на ненаказуемость дѣянія,
если оно не запрещено закономъ мѣста совершенія, основывается

на забвеніи того обстоятельства, что сила уголовного закона и возможность его примѣненія обусловливаются не одними только територіальными условіями, но и началомъ личной зависимости виновника отъ этого закона. Въ силу послѣдняго обстоятельства уголовный законъ распространяетъ свое дѣйствіе не только на лицъ, учиняющихъ преступныя дѣянія въ предѣлахъ территоріи государства, но и за предѣлами его, и притомъ не въ одинаковой мѣрѣ, какъ мы видѣли, въ отношеніи подданныхъ и въ отношеніи иностранцевъ, его учинившихъ. Что касается подданныхъ, то они не могутъ быть освобождены отъ дѣйствія туземнаго уголовного закона до тѣхъ поръ, пока они не освободятся отъ отношеній подданства къ своему государству. Уголовный законъ отечества слѣдуетъ по пятамъ за своимъ подданнымъ и сохраняетъ обязательную силу свою для послѣдняго не только при передвиженіяхъ его въ предѣлахъ государственной территоріи, но и при переѣздѣ за границу. Подданный, если желаетъ гарантировать себя отъ дѣйствія уголовного закона, обязанъ считаться съ его велѣніями и запретами, памятуя, что, по основнымъ нашимъ законамъ, онъ невѣдѣніемъ его отговориться не можетъ. Государственный запретъ, коимъ предписывается не совершать извѣстныхъ дѣяній, является, говоритъ Биндингъ ¹⁾, съ безусловно обязательнымъ характеромъ для его подданныхъ, все равно—связано ли государство съ нарушеніемъ этого запрета извѣстными юридическими послѣдствіями или нѣтъ. Государство не вступаетъ со своимъ подданнымъ въ договорныя отношенія по предмету наказанія. Частно-правовыхъ сдѣлокъ между преступникомъ и государствомъ въ области уголовного правосудія не существуетъ. Явленія этой области опредѣляются полностью публично-правовыми нормами. Въ борьбѣ права съ неправомъ оружіе,—говоритъ тотъ же Биндингъ,—выбирается государствомъ, и притомъ имъ однимъ, нисколько не стѣняясь пріобрѣтенными его подданными правами на наказаніе вообще или на извѣстный родъ его въ частности. Если же это такъ, и если уголовный законъ является такимъ средствомъ соціальной охраны, который примѣняется государственной властью суверенно, не стѣняясь територіальными предѣлами господства власти, то

¹⁾ Binding—Normen und Uebertretungen, изд. 1873 г., стр. 78 и слѣд.

возможно ли предположить, что законодатель сознательно и вполне поставил примѣненіе своихъ карательныхъ постановленій, предназначенныхъ для борьбы съ преступностью въ предѣлахъ государственной территоріи, въ зависимость отъ запрещенности дѣянія мѣстомъ совершенія его? На какомъ основаніи, при отсуствіи опредѣленнаго предписанія закона, предполагать, что запрещенность дѣянія, учиненнаго за границею, какъ условіе наказуемости, онъ перенесъ на ту преступность, которая совершается въ предѣлахъ государственной территоріи? Только финляндцы освобождены отъ дѣйствія постановленій нашего уголовного уложенія (гл. 1 § 1 финл. угол. улож.), и этотъ исключительный, по свойствамъ своимъ, законъ не можетъ быть распространенъ на другихъ русскихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ, при поддерживаемомъ нами толкованіи, вопросъ о примѣненіи къ дѣяніямъ, учиненнымъ въ Финляндіи, постановленій нашего уголовного уложенія (п. 3 ст. 5 этого улож.), къ русскимъ подданнымъ—не финляндцамъ, ставится въ зависимость отъ того, какіе блага и интересы служили объектомъ посягательства ¹⁾. Такая постановка предполагаетъ со стороны нашей уголовно-судебной власти изслѣдованіе въ каждомъ данномъ случаѣ юридическихъ свойствъ того блага или интереса, которые охраняются угрозою примѣненія наказанія, назначеннаго данною статьею нашего уголовного уложенія. Если это благо или этотъ интересъ отмѣчены специфическимъ характеромъ мѣстной жизни Финляндіи, уголовнымъ судамъ нашимъ надлежитъ уклониться отъ примѣненія къ этимъ посягательствамъ постановленій нашего уголовного уложенія, хотя бы и были на лицо процессуальныя

¹⁾ Rohland—Das Internationale Strafrecht 1877 г., стр. 138 (изъ матеріаловъ для пересмотра нашего уголовного законодательства т. VI, выпускъ 1, стр. 62). «Руководящимъ принципомъ для уголовной юрисдикціи государства служить слѣдующее положеніе: государство облечено правомъ карать всѣ посягательства на его собственныя юридическія блага и тѣ изъ посягательствъ на юридическія блага другихъ обществъ, которыя совершаются его подданными. Необходимымъ для сего условіемъ является принадлежность туземному государству юридического блага, составляющаго предметъ посягательства (въ моментъ наступленія послѣдствій преступнаго дѣянія) и виновника преступленія (въ моментъ совершенія такового). Въ первомъ случаѣ источникомъ карательнаго права государства является принадлежность ему юридического блага, а во второмъ—принадлежность государству личности преступника».

условія для преслѣдованія виновныхъ. Такіе блага и интересы стоятъ подъ исключительною защитою финляндскаго закона, и если законодатель Финляндіи не нашель достаточныхъ основаній для охраненія ихъ постановленіями финляндскаго уголовного уложенія, то дѣяніе это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подвергнуто дѣйствію карательныхъ постановленій ¹⁾. За предѣлами означенной группы дѣяній, при наличности условій уголовного преслѣдованія, караемое постановленіями нашего уголовного уложенія дѣяніе, учиненное въ Финляндіи и не запрещенное мѣстнымъ уголовнымъ закономъ, подпадаетъ подъ дѣйствіе нашего уголовного закона.

Охарактеризовать опредѣленными признаками тотъ критерій, при помощи котораго возможно было бы выяснитъ вопросъ о мѣтномъ или обще-имперскомъ характерѣ блага и интереса, послужившихъ объектомъ посягательства, едва-ли возможно. Дѣло судебной практики по отдѣльнымъ случаямъ опредѣляетъ основанія къ разграниченію двухъ указанныхъ категорій преступныхъ дѣяній. Хотя эта дѣятельность и сопряжена съ большими затрудненіями, но, вызываемая нуждами судебной практики, она и неизбежна и возможна. Это будетъ не единственный случай, когда нашъ уголовный судъ будетъ вынуждаться опредѣлять подвѣдомственность ему уголовныхъ дѣлъ не по точно установленнымъ въ законѣ признакамъ преступленій, а по юридическому характеру тѣхъ правовыхъ нормъ, на которыя учинено посягательство. Такъ, въ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ подведеніе подъ постановленіе этого уложенія дѣйствій россійскихъ подданныхъ, находящихся внѣ государства, поставлено въ зависимость отъ признанія судомъ, что преступленія этихъ лицъ направлены «противъ правъ державной власти своего отечества или цѣлости, безопасности или благосостоянія Россіи», или же заключались «въ нарушеніи правъ одного или нѣсколькихъ изъ соотечественниковъ» (ст. 173 и 174). Точно такъ же уголовное уложеніе въ аналогичныхъ случаяхъ, въ отношеніи дѣяній, учиненныхъ внѣ предѣловъ Россіи иностранцами, требуетъ, чтобы судомъ было

---

¹⁾ О вліянніи взаимнаго отношенія правовой нормы къ закону на условія примѣненія уголовного закона см. Binding, Grundr. ib. § 23.

установлено, что дѣяніе то направлено «на права росіійскихъ подданныхъ или на имущество и доходы росіійской казны» (ст. 9).

Потребность выяснить обще-государственный характеръ учиненныхъ посягательствъ со стороны суда идетъ рука объ руку съ обнаружившеюся въ нашемъ законодательствѣ за послѣднее время потребностью въ путяхъ законодательнаго разсмотрѣнія разграничить изданіе мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ финляндскаго края относящихся, отъ тѣхъ узаконеній, которыя имѣютъ предметомъ своимъ обще-имперское законодательство. Раздѣленіе этихъ двухъ законодательныхъ путей проведено у насъ Высочайшимъ манифестомъ 3 февраля 1899 г. ¹⁾. Означенный манифестъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что «независимо отъ предметовъ мѣстнаго законодательства Финляндіи, вытекающихъ изъ особенностей общественнаго ея строя, въ порядкѣ государственнаго управления возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, кои по тѣсной связи ихъ съ обще-государственными потребностями не могутъ подлежать исключительно дѣйствію учрежденій Великаго Княжества». Согласно этому приложенныя при манифестѣ основныя положенія создаютъ по тѣмъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ интересовъ Имперіи и Великаго Княжества, совмѣстную дѣятельность учрежденій этихъ частей русскаго государства ²⁾. Эта попытка создать для Финляндіи совмѣстную дѣятельность ея законодательныхъ учрежденій съ Имперіею по дѣламъ, касающимся обоюдныхъ ихъ интересовъ, обоснована на той идеѣ, которая, полагаемъ мы, должна находить мѣсто и въ дѣятельности судебныхъ установленій, а именно, что существуютъ такіе интересы, которые касаются финляндскаго края, и такіе интересы, которые имѣютъ обще-государственное значеніе.

¹⁾ Собр. узак. 1899 г. № 17.

²⁾ Въ основныхъ положеніяхъ этихъ возстановляемаго порядка разсмотрѣнія законодательныхъ проектовъ по Финляндіи; положенія эти вошли затѣмъ въ учрежденія Государственнаго Совѣта (ст. 15 п. п. 21 ст. 31), а нынѣ, съ упраздненіемъ Комитета Министровъ (законъ 23 апрѣля 1906 года, V, Собр. узак. 1906 года № 97), помѣщены въ учрежденіи Совѣта Министровъ (ст. 8 т. I Свод. зак., по Прод. 1906 г.), который принялъ на себя въ этомъ обязанности Комитета Министровъ.

Этот манифестъ 3 февраля 1899 г. вызвалъ, какъ извѣстно, въ Финляндіи цѣлую бурю и значительно усилилъ въ ней революціонное движеніе. Въ частности, Финляндскій Сенатъ, всенароднѣйше представляя Государю Императору о состоявшемся обнаруженіи означеннаго манифеста и основныхъ положеній, изложилъ тѣ сомнѣнія, которыя вызвали въ немъ означенные акты Высочайшей власти. Доказывая, что Финляндія соизволеніемъ русскіихъ государей самостоятельна въ области законодательства и управленія, и что основныя положенія заключаютъ въ себѣ отклоненіе отъ основныхъ законовъ Финляндіи, Сенатъ, тѣмъ не менѣе, не отрицаетъ, что «могутъ быть вопросы о законахъ, затрагивающіе общіе интересы Имперіи, которые надлежитъ обсуждать инымъ, а не до сихъ поръ обыденнымъ путемъ, такъ какъ Сенатъ убѣжденъ, что финскій народъ не уклонится отъ жертвъ, требуемыхъ дѣйствительными интересами Имперіи». Отсюда выводилось ходатайство «о порученіи свѣдущимъ лицамъ, какъ со стороны русскіихъ, такъ и со стороны финновъ, выработать проектъ закона о порядкѣ законодательства по дѣламъ, касающимся общихъ интересовъ Имперіи, ... и чтобы выработанный такимъ образомъ проектъ, согласно съ основными законами, былъ переданъ сословіямъ Финляндіи для его утвержденія».

Изъ этого видно, что необходимость блюсти въ области законодательной обще-государственные интересы не отрицалась Сенатомъ, и что главный предметъ протеста заключался въ томъ, что сдѣланныя въ этомъ отношеніи попытки законодательной нормировки прошли помимо финляндскихъ учреждений въ порядкѣ высшаго управленія Имперіи. Что существуютъ эти «обще-государственные интересы, касающіеся Финляндіи», и что они не въ надлежащей мѣрѣ охранялись до сихъ поръ, въ этомъ нѣтъ основаній сомнѣваться. Съ своей стороны, финляндское уголовное уложеніе, какъ историческимъ происхожденіемъ своимъ, такъ и существомъ своихъ постановленій, свидѣтельствуетъ о томъ, что эти обще-государственные интересы не соблюдены и въ уголовномъ законодательствѣ Финляндіи. Точно такъ же п. 3 ст. 5 Угол. Улож., свидѣтельствуя о томъ же, ставитъ эти обще-государственные интересы въ опасное и несоотвѣтствующее имъ положеніе, если только читать этотъ законъ согласно съ оспариваемымъ нами толкованіемъ. Любо-

пытно, что въ подтвержденіе правильности нашихъ воззрѣній мы можемъ найти данныя въ аргументаціи горячихъ защитниковъ государственно-правовой обособленности и внутренней самостоятельности Финляндіи. Такъ, представитель и глава шведо-манской партіи въ Финляндіи Мехелинъ ¹⁾ говоритъ, что «немыслимо, чтобы какая-нибудь страна, пользующаяся устойчивымъ общественнымъ порядкомъ, могла поддерживать его и тѣмъ самымъ общественную и правовую безопасность, если бы она была вынуждена принимать къ руководству также и законы, изданные для другого народа и сообразованные съ другимъ общественнымъ строемъ». Правда, этотъ аргументъ высказанъ имъ для того, чтобы доказать, что финляндскій народъ долженъ быть обеспеченъ въ правовомъ отношеніи. Но, казалось бы, нельзя не признать, что мысль, сама по себѣ вѣрная, должна быть признана таковою не только для Финляндіи, но и для Имперіи, которая не въ меньшей мѣрѣ имѣетъ право охранять примѣненіе своего уголовного законодательства и отстранять зависимость его отъ законодательства Финляндіи. Между тѣмъ эту зависимость устанавливаетъ п. 3 ст. 5 Угол. Улож., если только признавать въ немъ то абсолютное и безусловное значеніе, которое мы за нимъ признать не можемъ. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго толкованія, за указаннымъ закономъ признается то значеніе, что силою его предписанія постановленія нашего уголовного уложенія осуждаются на бездѣйствіе въ случаяхъ, когда финляндское уголовное уложеніе отказывается признать преступнымъ дѣяніе, предусмотрѣнное нашимъ уложеніемъ въ качествѣ такового ²⁾.

---

¹⁾ Л. Мехелинъ. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законовъ (критика брошюры Н. Д. Сергѣевского). Берлинъ, 1903 г., стр. 162.

²⁾ Мысль о возможности классификаціи финляндскихъ законовъ по признакамъ ихъ мѣстнаго и общегосударственнаго значенія была высказана также въ комиссіи Н. Х. Бунге въ 1893 г. По предложенной ею классификаціи дѣйствующіе въ Имперіи въ финляндскомъ краѣ законы раздѣлены на 4 разряда, а именно: 1) законы, которые по существу своему имѣютъ одинаковую силу какъ въ Имперіи, такъ и въ Финляндіи (напримѣръ, законы основныя, т. 1 Св. зак.), 2) законы общіе для Имперіи и Финляндіи, 3) законы, издающіеся въ одной Финляндіи, но имѣющіе отношеніе ко всей Имперіи, и 4) законы, имѣющіе исключительно мѣстное для Финляндіи значеніе (*Финляндія*, Обзоръ періодич. печат. вып., XIII, 1907 г., стр. 81).

Не входя въ разсмотрѣніе частныхъ, связанныхъ съ обсужденіемъ выдвинутаго нами вопроса о толкованіи п. 3 ст. 5 Угол. Улож., мы позволяемъ себѣ думать, что привели заслуживающія вниманія соображенія въ доказательство того, что буквальное толкованіе этой статьи не соотвѣтствуетъ ея истинному смыслу и создаетъ невозможныя условія къ охраненію, въ путяхъ уголовного правосудія, тѣхъ благъ и интересовъ, на стражѣ которыхъ стоятъ наши уголовно-матеріальные кодексы. Существованіе, въ лицѣ финляндскаго уголовного уложенія, мѣстнаго кодекса, обслуживающаго не только мѣстныя условія жизни края, нуждающіяся въ уголовной охранѣ, но и обще-государственные интересы Имперіи—послѣдніе параллельно съ нашими кодексами и какъ бы конкурируя съ ними,—создаетъ явленія, не соотвѣтствующія требованіямъ рациональной уголовной политики, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствующемъ правѣ мы не находимъ пути къ разрѣшенію возникшихъ на этой почвѣ столкновеній между русскими и финляндскими уголовными законами. Современное германское законодательство свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣстное и общее для всей страны уголовное законодательство можетъ параллельно правильно развиваться только при условіи признанія за мѣстными кодексами значенія субсидіарнаго и сосредоточенія обще-уголовныхъ интересовъ въ уголовномъ кодексѣ Имперіи. Наша жизнь уклоняется въ сторону отъ осуществленія такого идеала. Сепаратистское стремленіе Финляндіи, энергично развивающееся, не даетъ намъ права мечтать о приближеніи къ этому идеалу, но тѣмъ не менѣе точно такъ же несомнѣнно, что за предѣлами этого стремленія Финляндіи стоятъ нужды Имперіи, обслуживаемыя въ области уголовного правосудія нашими уголовными кодексами. Неуклоннымъ примѣненіемъ ихъ постановленій охраняются существеннѣйшіе интересы русскаго государства. Если стоять на почвѣ нашего толкованія п. 3 ст. 5 Угол. Улож., то окажется возможнымъ не задаваться цѣлью радикальной ломки уголовного матеріальнаго законодательства, а возможно будетъ ограничиться осуществленіемъ проекта закона въ области процессуальнаго законодательства Имперіи, который создалъ бы условія, нынѣ отсутствующія, для направленія уголовныхъ дѣлъ въ наши уголовные суды о тѣхъ, учиненныхъ въ предѣлахъ Финляндіи, дѣяніяхъ русскими

подданными не-финляндцами, которыя не запрещены финляндскимъ уголовнымъ уложениемъ, не принадлежатъ къ посягательствамъ, направленнымъ на благо и интересы мѣстной жизни Великаго Княжества и не предусмотрѣны нашими уголовными кодексами въ качествѣ дѣяній, преслѣдуемыхъ помимо частной жалобы ¹⁾).

СПбГУ

---

¹⁾ Съ точки зрѣнія процессуальной, существующій нынѣ порядокъ вещей, въ отношеніи преслѣдованія преступныхъ дѣяній, учиненныхъ въ Финляндіи, представляется точно такъ же неудовлетворительнымъ. Пунктъ 3 ст. 5 Угол. Улож. упоминаетъ только объ одномъ основаніи мѣстной подсудности, а именно о мѣстѣ учиненія преступленій. Поэтому остаются открытыми вопросы о томъ, какое отношеніе будетъ имѣть наше уголовное уложеніе къ обнаружившимся въ Финляндіи преступнымъ дѣяніямъ, мѣсто совершенія которыхъ неизвѣстно, а также ко всеѣмъ тѣмъ случаямъ, когда обнаружатся другія основанія мѣстной подсудности, знакомыя нашему процессуальному законодательству и связанныя съ специальными свойствами нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній.